

ФИЛОСОФИЯ

УДК 330.133.6; 140.8; 130.2
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-431-441>
EDN: XVBWXH

Поступила: 12.10.2025
Принята: 15.12.2026
Опубликована: 01.10.2026

ТРУД И СИМУЛЯЦИЯ. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. КАПИТАЛИЗМ, ТРУД И ЗНАКИ

Корякин Вячеслав Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В современном обществе наблюдается заметный рост симуляции деятельности практически во всех сферах общественной жизни. Ее распространение в производственной сфере существенно оттесняет труд — источник общественного богатства — на второй план. Складывается парадоксальная ситуация: деятельность, которая не производит никаких материальных благ, аккумулирует и расходует их с нарастающими темпами и объемами. Причина подобной ситуации кроется в самом характере труда капиталистического типа (абстрактного и частичного). Прибавочная стоимость может быть произведена лишь частичным трудом при условии неуклонного сокращения его доли, т. е. путем вымещения частичной рабочей силы из сферы реального производства. Вымещение занятых из сферы материального производства обеспечивается посредством роста производительности частичного труда благодаря внедрению достижений науки и техники. Однако труд ученых и инженеров — всеобщий, сложный, материальный и умственный, и как таковой он не создает никакой прибавочной стоимости. Уход вымещенных частичных рабочих в сферу наукоемкого производства, таким образом, подрывает объективные основы существования капитализма, поэтому современный капитализм стремится сформировать такую сферу деятельности, которая, с одной стороны, на прямую не была связана с материальным производством, с другой — не позволяла бы индивиду переставать быть частичным. Такой сферой является симуляция. Симуляция, по сути, оказывается не чем иным, как формой деятельности, маскирующей деградацию человека.

Ключевые слова: современный капитализм, труд, частичный труд, всеобщий труд, знак, симуляция, симулякр.

Для цитирования:

Корякин В.В. Труд и симуляция. Статья первая. Капитализм, труд и знаки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 431–441. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-431-441>. EDN: XVBWXH

LABOR AND SIMULATION. ARTICLE ONE. CAPITALISM, LABOR, AND SIGNS

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State University (Perm)

Modern society exhibits a noticeable increase in simulated activities across almost all spheres of public life. Increasing simulation in the manufacturing sector significantly pushes labor, being the source of social wealth, into the background. A paradoxical situation is emerging: activities that produce no material goods accumulate and consume them at an increasing rate and volume. The reason for this situation lies in the very nature of capitalist-type labor (abstract and partial). Surplus value can be produced only by partial labor, provided that its share is steadily reduced, i.e. through displacing partial labor from the sphere of real production. This displacement stems from increasing productivity of partial labor, driven by the application of scientific and technological achievements. However, the work of scientists and engineers is qualitatively different from partial labor, their work is universal, complex, simultaneously material and mental, and as such it does not create any surplus value. Thus, the departure of displaced part-time workers into the sphere of knowledge-intensive production undermines the objective foundations of the existence of capitalism. Consequently, modern capitalism seeks to form a sphere of activity that, not being directly related to material production, would prevent the individual from ceasing to be a partial worker and would hinder human development. Simulation is such an area. It turns out to be nothing more than a form of activity that masks human degradation.

Keywords: modern capitalism, labor, partial labor, universal labor, sign, simulation, simulacrum.

To cite:

Koryakin V.V. [Labor and simulation. Article one. Capitalism, labor, and signs]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 431–441 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-431-441>. EDN: XVBWXH

Введение

В современном мире последние полвека все интенсивнее распространяются формы деятельности, которые подавляющему большинству кажутся бессмысленными или непонятными [Гребер Д., 2020]. Но, что больше настораживает, появляются люди, которые эту деятельность все чаще воспринимают как вполне себе достойный и общественно значимый способ заработка, и даже как способ самореализации. Данная деятельность носит явно симулятивный, но парадоксальным образом чрезвычайно востребованный характер. Складывающаяся ситуация намекает, что у нее есть вполне объективные основания, не зависящие ни от здравого смысла, ни от принятия ее либо критики.

Д. Гребер объясняет данное положение дел особенностями современного капитализма, главным образом свойственной ему концентрацией капитала, обособлением и раздуванием финансового сектора, который начинает довлеть над сферой реального производства [Гребер Д., 2020, с. 19, 22–24, 215–223, 266–270]. Современный капитализм, по его мнению, вступил в фазу самоотрицания, с большой вероятностью перестал быть капитализмом и специфическим образом стремится вернуться к докапиталистическим (феодальным) формам организации общества [Гребер Д., 2020, с. 255–267, 270]. Впрочем, стоит подробнее разобраться с природой как позднего капитализма, так и природой симуляции, чтобы обнаружить их органическую связь.

Целью исследования является выяснение места симуляции в системе позднего капитализма, задачами — определение сущности труда, симуляции и их объективного отношения. В качестве теоретико-методологической основы берется современная форма материализма и диалектики, позволяющая всесторонне описывать общественные явления в их единстве.

Труд в условиях капитализма

Развитие представляет собой процесс накопления, интеграции многообразия. Общественное развитие осуществляется посредством дифференциации и интеграции труда, и, как следствие, — отношений между людьми и идеальных форм (знаний). Однако до капитализма включительно (в т. н. «Предыстории человечества», по выражению К. Маркса) оно осуществляется в парадоксальной форме: рост многообразия (сложности) общества осуществляется за счет обеднения (упрощения) навыков подавляющего большинства непосредственных производителей [Корякин В.В., 2013]. Своей кульминации данный процесс достигает в эпоху капитализма, когда возникает частичный, узкоспециализированный, доведенный до элементарного предметного действия труд. Частичный труд является капиталистической формой конкретного труда. Осуществляющий весь рабочий день одну и ту же примитивную операцию, пролетарий производит себя как предельно бедное, одностороннее, «одномерное» существо. Все «богатство» его навыков сводится лишь к одному: он либо режет проволоку, либо ее вытягивает, либо рихтует, но никогда не производит всей совокупности необходимых для создания конечного продукта (например, иглы) операций. При этом частичный производитель делает свою работу предельно качественно и быстро, что при условии кооперации с такими же частичными рабочими максимально повышает производительность труда в целом. Производство конечных (готовых к потреблению) продуктов становится чрезвычайно многообразным и массовым.

Частичный рабочий относится к средствам производства частичным образом: в своей непосредственной практике он никогда не присваивает их целиком — он присваивает в моменте лишь отдельную их сторону. Реализуя каждый

раз лишь отдельный свой навык, к себе он также относится частичным образом, т. е. никогда как к целостному существу. По данной причине частичный работник перманентно оказывается в ситуации отчуждения себя и от средств производства, и от собственной рабочей силы, собственного бытия.

Каждый пролетарий в отдельности в силу частичной природы своего труда объективно не способен присваивать предмет и свою рабочую силу целиком, функция присвоения конечного продукта, как и всех задействованных средств производства и рабочих сил, эмансипируется в деятельности другого участника производственного процесса — предпринимателя. На первый взгляд может показаться, что буржуа занят управлением производством: он не только аккумулирует богатство, но и распределяет его, организует и контролирует рабочий процесс, занимается закупками и сбытом, ведет бухгалтерию, мотивирует работников и т. д. Такую картину можно было наблюдать на заре капитализма, в условиях господства мелких и средних предприятий, и до сих пор она до некоторой степени наблюдается в сфере малого бизнеса. Однако по мере концентрации капитала весь этот набор управленческих функций постепенно эмансипируется от буржуа и передается многочисленным менеджерам и клеркам, которые рекрутируются преимущественно из среды тех же пролетариев. Другими словами, дифференцируется не только само материальное производство (труд), но и управленческая деятельность.

Управленец также оказывается частичным и отчужденным, подобно пролетарию. У него всегда есть конкретные узконаправленные задачи. В условиях развитого капитализма вся система производства строится на частичном труде: материальном — у пролетария, духовном — у клерка. Все управленческие функции могут быть без потерь для производства отданы на откуп наемным работникам, кроме одной — отчуждения и накопления материальных благ. Эта последняя всегда остается за частным собственником. Деятельность буржуа в «сухом остатке» оказывается не менее частичной, он лишь аккумулирует общественное богатство.

Каждый отдельный пролетарий в ходе практики не присваивает средства производства це-

ликом, их присвоение может быть лишь коллективным. Совместная борьба рабочих за право собственности на средства производства может достичь успеха, но она не меняет в корне сущности капиталистической экономики. В экономическо-философских рукописях 1844 г. К. Маркс предполагал, что на ранней стадии формирования коммунистического общества («грубый» коммунизм) рабочие будут стремиться упразднить частную собственность на средства производства как некое выражение их отчужденной сущности. При этом частичный труд, который составляет объективную основу частного присвоения, останется без изменений. Никуда не исчезнет по этой причине и частная собственность, наоборот, она достигнет высшей, всеобщей формы: все общество пролетариев становится частным собственником [Маркс К., 1956, с. 585–587]. Опыт Российской революции 1917 г. и построения советской экономики красноречиво свидетельствует о том, как пролетариат, подвергнув тотальному обобществлению средства производства и рабочую силу, делегирует из своей среды весь необходимый управленческий аппарат, сохраняя практически без изменений функции, которые ранее осуществляли предприниматель и его менеджеры. Более того, штат управленцев многократно возрастает в силу максимальной концентрации производства. В рамках советской экономики нетронутой оказалась и функция отчуждения и аккумуляции богатства. Примечательно, что по мере завершения коллективизации и индустриализации, т. е. практически тотальной пролетаризации страны, часть советской бюрократии начала предпринимать систематические попытки монополизировать эту свойственную частному собственнику функцию. Реформы А.Н. Косыгина, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина стали ключевыми этапами реанимации естественной для общества, построенного на частичном труде, капиталистической формы организации производства.

Частичный материальный труд в силу своей предельной простоты объективным образом поддается усреднению и абстрагированию. Общее в частичном труде — то, что абстрактный труд становится субстанцией товарной стоимости [Маркс К., 1987, с. 38–39, 44–47, 50–59, 61–66, 72–78]. Товарные стоимости — господству-

ющая форма вещественного богатства при капитализме. Поскольку отдельные пролетарии никогда не присваивают средства производства целиком, их присвоение возможно либо всем рабочим коллективом, либо предпринимателем. В обоих случаях это присвоение опосредуется насилием.

С определенного исторического момента дифференциация труда порождает необходимость выделения управления в самостоятельную сферу деятельности, происходит радикальное разделение труда на непосредственно материальный и умственный. Субъекты умственного труда не создают никаких объективных (материальных) ценностей, продукты их деятельности объективны лишь по содержанию, по форме они — субъективны (идеальны). Никакой непосредственный обмен субъективных ценностей на объективные невозможен в силу их принципиально различной природы. Но поскольку обособившаяся управленческая (духовная) деятельность оказывается объективно необходимой для организации разделенного материального труда, единственным способом ее материального обеспечения становится насильственное изъятие материальных благ, а в конечном счете — средств производства без всякого материального эквивалента. Никакой труд не может реализоваться без средств производства, поэтому непосредственные производители оказываются вынуждены считаться с грубой силой, либо оказывать ей сопротивление.

При капитализме, на первый взгляд, никакого прямого насилия в отношении работника не осуществляется. Рабочий не подвергается т. н. внеэкономическому принуждению. Он — не раб и не крепостной. У него вроде бы есть свобода выбора — наниматься на работу или нет. Однако это выбор мнимый. В реальности выбирает между жизнью и смертью: он может продать свою рабочую силу, произвести благо и часть его получить в виде зарплаты, а может умереть с голоду. При капитализме собственность на средства производства закрепляется прямым насилием (законом, например, за которым стоит армия полицейских, судей, тюремщиков и профессиональных военных, или пролетарским вооруженным восстанием). Насилие в его различных формах становится неотъемлемым услови-

ем и средством поддержания капиталистической системы, и в нем в той или иной мере участвуют все — и буржуа, и пролетарии.

Поскольку частичный труд является объективной основой капиталистической экономики, для нее жизненно необходимым становится превращение в частичных рабочих как можно большего количества населения. Процесс пролетаризации исторически осуществлялся посредством отделения рабочей силы (крестьян и ремесленников) от средств производства. Причем в раскрестьянивании и ликвидации ремесел участвовали не только предприниматели, но и рабочие. Роль пролетариев в данном процессе была не столь заметна на этапе раннего капитализма, но стала очевидной, когда капитализм вступил в фазу кризиса. Например, советские рабочие, организуя процесс обобществления и огосударствления средств производства, в том числе занимались ликвидацией крестьянской парцеллы и кустарных предприятий.

Количественный рост численности частичных рабочих сопровождался удлинением рабочего времени. К. Маркс подробно описал и раскрыл процесс производства абсолютной прибавочной стоимости, подчеркнув принципиальные его пределы [Маркс К., 1987, с. 169–290, 469–479]. Рабочий день не может длиться бесконечно долго: с определенного момента начинается моральное и физическое изнашивание рабочей силы. Производительность труда начинает постепенно падать. Более того, испытывающие тяготы жизни пролетарии начинают активно сопротивляться сложившимся производственным порядкам, в т. ч. посредством вооруженных восстаний, что угрожает существованию предпринимателя и всей его клиентелы (в т. ч. буржуазного государства).

Стремление буржуа извлекать и умножать прибыль находит, впрочем, выход в процессе производства относительной прибавочной стоимости [Маркс К., 1987, с. 291–479]. Технические изобретения и рационализация кооперации способны резко повысить производительность труда, что в свою очередь создает многообразные возможности для снятия социальной напряженности и сдерживания деградации рабочей силы. Предприниматель может сократить рабочий день, улучшить условия работы, сделать произ-

водство более безопасным, повысить заработную плату. Этот щадящий рабочий режим пребывания на заводе тормозит износ рабочей силы, но при этом не меняет ее сути: пролетарий остается по-прежнему частичным работником. Более того, видимость роста благополучия делает частичные профессии в какой-то мере привлекательными на фоне отсутствующей или минимальной альтернативы занятости. Рост благосостояния пролетария становится весомым фактором консервации частичного труда.

Впрочем, непосредственной целью буржуа является не забота о рабочей силе, а избавление от нее. Заработная плата — главная трата предпринимателя. Технические новинки и рациональная организация труда необходимы лишь для того, чтобы, повысив производительность труда, уволить часть рабочих при сохранении как минимум прежних объемов производства. Капитализм проявляет в очередной раз свой парадоксальный характер. Без частичного работника прибавочная стоимость не может быть произведена. Однако рост числа занятых в сфере частичного производства порождает рост издержек, что требует сокращения численности рабочих. В таких условиях предприниматель стремится заменить всех рабочих машинами, но вот только машины сами по себе не трудятся и не создают стоимости. В результате буржуа стремится сократить число рабочих до некоторого «приемлемого» минимума.

Производство относительной прибавочной стоимости, впрочем, таит в себе куда большую угрозу для существования капитализма, чем пролетарская революция, чем постоянный передел собственности на средства производства. Изобретения, которые позволяют резко увеличивать прибыль предпринимателя, а в условиях кейнсианских, фашистских и ранних социалистических экономик относительно повышать благосостояние рабочих, не являются продуктом частичного труда — естественной основы капитализма. Они — продукт т. н. всеобщего труда.

Всеобщий труд — это сложный материальный труд. Как таковой, он требует непосредственного сложного интеллектуального сопровождения. Он — одновременно сложный материальный и умственный труд. Он — сложно кооперированный (и потому обобществленный) и

одновременно существенно индивидуализированный труд [Маркс К., 1962, с. 116; Орлов В.В., Васильева Т.С., 2005, с. 207–211; Корякин В.В., Орлов С.В., 2009; Корякин В.В., 2013; Гриценко В.С., 2013, с. 150–205]. Его типичными примерами могут служить труд инженера, программиста, ученого-практика, некоторые виды искусства. Как таковой всеобщий труд не содержит в себе никаких объективных оснований существования капитализма. Капитализм не может обойтись без науки, но наука подрывает весь фундамент капитализма. Переход от частичного труда ко всеобщему означает ликвидацию предельной дифференциации труда, разделения его на материальный и умственный, отчуждения, массового насилия, т. е. всего того, что является жизненными «соками» капитализма. Главные враги буржуа — не пролетарии, а инженеры, ученые, художники. Для нормального функционирования капитализма экономически выгодной становится ситуация, при которой и число частичных рабочих, производящих товарную стоимость, было как можно меньшим, и число ученых, открытия и изобретения которых позволяют повышать производительность труда и увеличивать прибыль, тоже было минимальным.

Человек эпохи капитализма вынужден постоянно делать главный экзистенциальный выбор — быть целостным многообразным (сложным) существом, и тем самым соответствовать своей универсальной, родовой и индивидуальной сущности, но прозябать, либо довольствоваться малым — стать частичным, но имеющим хотя бы минимальные средства к существованию. Все богатство капиталистического общества производится именно в сфере кооперированного частичного труда, поэтому для подавляющего большинства людей выбор оказывается неприятным, но очевидным.

Поскольку в тенденции предприниматель стремится вытеснить из сферы реального производства как можно больше субъектов труда как частичного, так и всеобщего, возникает естественный вопрос: а куда эта вымещенная рабочая сила девается? Простое вымещение рабочей силы из сферы реального производства, влекущее за собой массовую безработицу, чревато социальными потрясениями, создающими прямую угрозу власти капитала. Попытки «утилизиро-

вать» «лишних» работников, бросая их в горнило империалистических войн, лишь временно позволяет снять внутреннюю социальную напряженность, но в перспективе только усиливает угрозу для частного присвоения: вооруженные самим капиталом массы бывших пролетариев с легкостью могут обратить доставшееся им оружие против него. Однако и практика компенсации потерь рабочих в условиях тотальной безработицы (путем социальных выплат или гарантий занятости), которая сформировалась в период между мировыми войнами, к концу XX в. также обнаружила свои пределы.

Социальные выплаты и гарантии существенно снижают атаки на капиталистическую систему, но создают возможность для развития рабочего. XX в. ознаменовался сокращением рабочего дня, ростом свободного времени и одновременно повсеместным введением многопрофильного всеобщего образования, массовизацией высшего образования, что обеспечило резкий рост численности ученых, инженеров, медиков, деятелей искусства, т. е. тех самых субъектов всеобщего труда, которые являются подлинными «могильщиками» капитализма. Естественным образом капитализм с конца XX в. начал усиленно отторгать этих новых работников и формы политико-экономической организации, которые способствовали росту их численности.

Капитализму не нужен целостный, многосторонне развитый индивид, ему нужен частичный рабочий, создающий прибавочную стоимость. Этот рабочий должен быть по-прежнему занят непосредственным материальным трудом, но в реальном производстве их число должно быть как можно меньшим. Иначе говоря, работник, который требуется современному капиталистическому производству, должен быть занят частичным материальным трудом, большей частью по форме, меньшей — по содержанию. Он должен создавать материальные вещи, которые не имеют непосредственного отношения к реальному производству и потому не меняют его природы, но чрезвычайно похожие на те, что создаются в реальном секторе, т. е. «мнимые вещи». Мнимая вещь, выдающая себя за подлинную, значимую для развития человека, маскирует необходимую для существования капиталистической системы нищету человека, порождая

иллюзию благополучия жизни, саморазвития, свободы и счастья индивида. От производства вещей большинство современных людей начинает переходить к производству вещей особого рода — знаков, и даже не столько знаков, сколько знаков-симулякров. И деятельность таких индивидов тоже превращается существенным образом в симулятивную.

Труд и знаки

Знаки и знаковая деятельность являются существенным моментом производства человеком собственного бытия в целом. Современная семиотика же, как правило, рассматривает их лишь в качестве средства развития человеческой мысли, т. е. мыслимого бытия. Сознание есть отражение материального мира, единство субъективной формы и объективного содержания. Знак предстает в качестве материального объекта, приведенного в условное соответствие с предметом отображения. Человек в процессе производства собственной жизни вступает в отношение к миру, к любым его объектам, превращает их посредством практики в предмет сознания, облакает в идеальную форму и означает эти идеальные формы, создавая особого рода материальные предметы — знаки. Другими словами, в процессе труда индивиды создают свое объективное и мыслимое бытие в их единстве, а также знаки — особую предметную реальность, необходимую для развития и мысли, и бытия, которое мыслится. Но и человек производит себя как особого рода предметное существо, и потому он есть главный предмет собственной мысли и обозначающий ее исходный знак [Корякин В.В., 2025].

Всякий предмет в процессе производства человеком собственной жизни (включая самого человека) есть одновременно средство его существования и средство его мышления. Относительная эмансипация «предмета как средства мышления» от непосредственного материального производства превращает его в предмет-знак. Знак, таким образом, — это не просто предмет, приведенный в условное соответствие с предметом отображения, это преобразованный, произведенный человеком предмет, лишенный своего объективного производственного содержания. Теперь он оказывается сред-

ством производства человеческой жизни лишь в голове человека, т. е. идеального производства [Корякин В.В., 2025, с. 9–10].

Ж. Бодрийяр подчеркивал, что все созданные человеком предметы обладают функцией знака, «стоимости/знака», которая является результатом особого типа общественного труда, производящего социальное различие. «Логика» предмета как стоимости/знака, по его мнению, является наиболее фундаментальной по отношению к другим «логикам» созданных человеком вещей — потребностей, меновой стоимости и символического обмена [Бодрийяр Ж., 2007, с. 12–19, 73, 75–77, 85, 148–150, 164–212]. По существу, труд понимается Ж. Бодрийяром как процесс производства социальных различий. Автор при этом не отрицает присущих труду способности преобразовывать природу, создавать потребительные стоимости, удовлетворять человеческие потребности, осознанности и общественного характера. Знак при таком подходе является демонстрацией социального статуса, но не формой развития человека.

Эмансипация знаков от непосредственного производства происходит по мере обособления умственной деятельности от материальной. Умственный труд как процесс отражения оказывается в существенной мере оторван от предметов отражения, но в них, тем не менее, не перестает нуждаться для собственного существования. В такой ситуации предметы отражения в максимально возможной степени замещаются знаками — особого рода материальными объектами, так же в значительной мере утратившими связь с непосредственным производством. Знак есть преобразованный человеком предмет (сам человек или природный объект), лишенный своего непосредственного производственного содержания и приведенный в условное соответствие с любым предметом отображения, который, в свою очередь, также оказывается не чем иным, как продуктом труда — практического отношения человека к материальному миру, к себе в том числе.

Труд является способом существования и развития человека. В нем индивид создает себя как целостное, тождественное миру, роду и самому себе существо во всем многообразии сво-

их свойств и отношений посредством преобразования природы. В труде обнаруживается, стало быть, единство двух противоположно направленных процессов: преобразования человека и преобразования природы. При определенных исторических обстоятельствах данные процессы могут реализоваться в виде относительно самостоятельных форм деятельности — игры и симуляции [Корякин В.В., 2024].

Игра представляет собой процесс саморазвития общества (развития индивидом себя и других людей), относительно обособленный от выявляющего новые существенные характеристики природы и от труда как усложнения человека и природы в их единстве. Вместе с тем как относительно обособленная сторона труда игра ему тождественна. Человек не может развиваться, не меняя природных условий своего существования. При этом человек использует особым способом измененные природные объекты — средства производства, которые превращаются в средства игры. В игре человек производит себя всесторонне — как в объективных, так и субъективных (идеальных) формах своего существования, однако производство природных обстоятельств при этом лишается своих объективных форм и осуществляется исключительно в сознании. Играя, человек объективно не меняет внешних ему природных условий существования, он лишь представляет вызванные его действиями изменения вещей [Корякин В.В., 2024, с. 117–121].

Противоположным игре моментом труда, относительно обособленным от него является симуляция. На продукты симулятивной деятельности — симулякры (копии, знаки, искажающие и подменяющие собой реальность) обращал внимание еще Платон [Платон, 1993]. Классическая философия, признавая неизбежное появление симулякров, настаивала на устранении их из процесса познания, на приведении мыслимых копий (образов) предметов в соответствии с оригиналом. В неклассической философии оценки изменились. Ж. Делез, например, полагал, что симулякр — имманентно присущая характеристика человеческого бытия. Он есть знак, лишенный сходства с оригиналом, одновременно отрицающий в себе оригинал и соответствующую ему копию [Де-

лез Ж., 1998, с. 335]. Ж. Бодрийяр понимал симулякры как знаки, которые не столько отрицают реальность, сколько подменяют ее собой [Бодрийяр Ж., 2011; Бодрийяр Ж., 2015]. Симулякр — некое инобытие, он есть знак, не являющийся ни копией, ни оригиналом, ни даже знаком как таковым. В условиях т. н. «гиперреальности» все перестает быть собой (реальным), в т. ч. и знаки [Бодрийяр Ж., 2011, с. 52]. Выделяя четыре порядка превращения (и форм) знаков по мере удаления их от реальности, Ж. Бодрийяр попытался объяснить появление и господство симулякров. В своем итоговом превращении — симулякре — знак полностью отрывается от реальности, и потому полностью замещает ее. Симулякр, по сути, маскирует отсутствие реальности [Бодрийяр Ж., 2015, с. 12–13]. Однако стоит отметить, что ни мысль, ни знак никогда окончательно не теряют своего объективного (производственного) содержания. В конце концов, человек как главный предмет отражения и одновременно как знак никуда не исчезает. В пике негативным определением симулякра, свойственным постструктурализму, стоит заметить, что и сами симулякры есть некая реальность, и определенной реальности они все же соответствуют. В конце концов, они создаются людьми, вполне себе предметными индивидами, и оказываются проявлением сущности и определенного способа существования человека [Корякин В.В., 2024, с. 121–126].

В противовес игре симуляция есть процесс изменения природы, относительно обособленный от саморазвития человека и труда как процесса усложнения человека и природы в их единстве. Если изменение предметов сохраняет их объективные форму и содержание, то изменения человека все больше уходят в область субъективного (мыслимого). Симулируя производственную деятельность, человек не развивается ни практически (объективно, материально), ни духовно, он лишь представляет, что развивается в обоих этих планах. Поскольку при симуляции не происходит развития человека, может показаться, что индивид занимается лишь простым воспроизводством своей рабочей силы. Однако воспроизводство диалектически связано с производством, является его моментом [Маркс К., 1987, с. 528–540]. Не разви-

вая себя, человек не может себя воспроизводить. Стало быть, симуляция оказывается не чем иным, как формой упрощения способностей индивида. Средства производства при этом превращаются в средства симуляции, маскирующие деградацию человека [Корякин В.В., 2024, с. 122–126].

Многообразие сторон и моментов труда порождает многообразие опосредующих их преобразованных объектов (людей и вещей), каждый из которых при определенных условиях приобретает форму знака. В труде неразрывно связаны два основных элемента — личный и вещный. В качестве личного элемента выступает сам человек — существо, производящее свою жизнь, его рабочая сила, в качестве вещного — средства производства. Средства производства, в свою очередь, будучи направленными на преобразование как личного, так и вещного элементов, также выступают в двух объективных формах соответственно — средств производства человеческой жизни и средств производства вещей.

В условиях эмансипации игры от труда его функциональность и предметное содержание меняются. В процессе игры личный элемент из субъекта рабочей силы превращается в игрока, а вещный (средства производства) — в средства игры. Поскольку игра является формой развития человека, но не природы, средства производства лишаются преобразующего природу назначения и упрощаются, в т. ч. по форме, приводятся в соответствие с игрой. В данной связи человек в игре может использовать настоящее средство производства, но вполне может заменить его копией, в т. ч. весьма условной — игрушкой. Игрушка есть средство производства человеком себя, но не природы.

Схожая ситуация складывается с симуляцией. Симулируя, человек не развивает себя (напротив, каждый раз он делает себя проще), но манипулирует со средствами производства (в т. ч. игровыми). В таких условиях человек превращается из производителя в симулянта, а средства производства — в средства симуляции. Поскольку симуляция существенным образом отличается от труда (она не предполагает усложнения человека), сами средства производства начинают использоваться простыми

способами, хотя по форме зачастую оставаясь прежними. Главное отличие симулякра от средств производства и игрушек заключается в том, что он есть средство производства деградирующего индивида, средство его упрощения.

В процессе труда человек встает в практическое отношение к объективному миру (к себе и природе) и отражает его в идеальной форме. При этом сам человек, его действия и созданные им вещи оказываются не только предметами отражения, но и знаками, как только они выводятся за рамки непосредственного производства и служат отныне для поддержания их существования и развития в их идеальных формах (сознания). Любой преобразованный объект (человеческий или природный) изначально обнаруживает двойственную функциональность — производственную и знаковую. В производственном плане он обеспечивает развитие человека целиком — и в материальной, и в идеальной формах в их единстве, в знаковом — лишь в его идеальной форме.

Знаки являются предметным выражением сознания, в некотором смысле его объективным бытием. Со времен Г. Фреге существует традиция сведения знаковых систем к языку, а языка — к абстрактному (понятийному) мышлению [Фреге Г., 2000, с. 215–246, 253–262]. Однако мышление включает в себя различные чувственные формы, которые в разной степени наполняются смыслом (обладают невербализованным понятийным содержанием), и не может функционировать без них. Знаки как непосредственная материальная форма мысли выражают все уровни и формы ее существования. Язык обладает различной чувственно воспринимаемой материальной основой, относящейся ко всем органам чувств человека. Он может иметь звуковую форму или жестовую, но может быть связан и со зрением, имея фотонную основу (изображения и изобразительная деятельность), обонянием (парфюмерия) и вкусом (кулинария), имеющими преимущественно химическую основу, осязанием (различные тактильные манипуляции), в качестве непосредственной основы которого выступает биология человека. Знаковое многообразие велико настолько, насколько велико многообразие самого человека и его практической деятельности.

В общем виде все многообразие знаков можно разделить на три большие группы, соотносительно основным формам деятельности человека: языковые, игровые и симулятивные. Люди, их предметные действия и средства производства, как только они выходят за пределы непосредственного производства, но обеспечивают при этом поддержание и развитие сознания, отражающего изменения человеческой жизни и природы в их единстве, становятся языком. Те же люди, действия и средства в условиях развития индивида, оторванного от преобразования природы, превращаются в игроков, игры и игрушки соответственно, позволяющие функционировать игровому мышлению, отражающему развитие человека, но замещающему развитие природы воображаемыми ее изменениями. В условиях же деградации индивида те же люди, действия и средства превращаются в симулянтов, симуляцию и симулякры соответственно, становясь объективной основой симулятивного мышления, маскирующего упрощение человека, подменяющего реальную жизнь человека его кажущимся развивающимся бытием.

Любой созданный человеком предмет может быть превращен в знак, а любой знак — в язык, игрушку или симулякр как попеременно, так и одновременно. Знаки объективны по форме. Они оказываются своего рода «второй» социальной объективной реальностью наряду с «первой» — бытием человека и созданной им искусственной природой. Как любая форма объективной реальности, знаки оказывают воздействие как на сознание человека (отражаются в нем), так и на человеческое бытие (являются предметом и средством преобразования человеческой жизни). Даже организм человека вынужден приспосабливаться к этим предметам-знакам [Корякин В.В., 2023, с. 48–60]. Симулякр столь же объективен, как игрушки, язык, средства производства, труд и люди, поскольку он — форма и момент объективного существования человека.

(продолжение в следующем номере)

Список литературы

- Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. М.: Академический проект, 2007. 335 с. EDN: QONHJV
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет; Изд-во КДУ, 2011. 392 с.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2015. 240 с.
- Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 440 с.
- Гриценко В.С. Труд в постиндустриальном обществе. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2013. 210 с.
- Делез Ж. Симулякр и античная философия // Логика смысла. М.; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 329–365.
- Корякин В.В. Роль труда в отношениях психики и физиологии // Новые идеи в философии. 2023. Вып. 11(32). С. 43–64. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2023-11-43-64> EDN: TPEBPC
- Корякин В.В. Современный мир и философия // Новые идеи в философии. 2013. Вып. 21. С. 11–30. EDN: RSNCGX
- Корякин В.В. Труд, игра и симуляция. К вопросу об их объективном отношении // Новые идеи в философии. 2024. Вып. 14(35). С. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2024-14-111-127> EDN: NJTXUK
- Корякин В.В. Человек, сознание, знак. К общей теории знака // Новые идеи в философии. 2025. Вып. 15(36). С. 4–22. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2025-15-4-21> EDN: UTDRSD
- Корякин В.В., Орлов В.В. Труд, стоимость и собственность в современном обществе // Вестник Вятского гос. гум. ун-та. 2009. Т. 4, № 4. С. 46–55.
- Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 т. М.: Изд-во политической литературы, 1987. Т. 7. 812 с.
- Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1962. Т. 25. Ч. 1. 554 с.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Изд-во политической литературы, 1956. С. 527–652.
- Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005. 265 с.

Платон. Софист// Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 275–345.

Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.

References

Baudrillard, J. (2007). *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [Toward a critique of the political economy of the sign]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 335 p.

Baudrillard, J. (2011). *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow: Dobrosvet Publ., KDU Publ., 392 p.

Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Moscow: Postum Publ., 240 p.

Deleuze, G. (1998). [The simulacrum and Ancient philosophy]. *Logika smysla* [The logic of sense]. Moscow, Yekaterinburg: Delovaya kniga Publ., pp. 329–365.

Frege, G. (2000). *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow: Aspekt Press., 512 p.

Graeber, D. (2020). *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostraneniі bessmyslennogo truda* [Bullshit jobs: a theory]. Moscow: Ad Marginem Publ., 440 p.

Gritsenko, V.S. (2013). *Trud v postindustrial'nom obschestve* [Labor in post-industrial society]. Perm: PSU Publ., 210 p.

Koryakin, V.V. (2024). [Labor, play and simulation: on their objective relation]. *Novyye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 14(35), pp. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2024-14-111-127>

Koryakin, V.V. (2025). [Man, consciousness, sign: toward a general theory of the sign]. *Novyye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 15(36), pp. 4–22

Koryakin, V.V. (2013). [The modern world and philosophy]. *Novyye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 21, pp. 11–30.

Koryakin, V.V. (2023). [The role of labor in the relations of psyche and physiology]. *Novyye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 11 (32), pp. 43–64. DOI: <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2023-11-43-64>

Koryakin, V.V. and Orlov, V.V. (2009). [Labor, value and property in modern society]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University for the Humanities]. Vol. 4, no. 4, pp. 46–55.

Marx, K. (1987). [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engel's F. Izbrannyye sochineniya v 9 t.* [Marx K., Engels F. Selected works in 9 vols]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., vol. 7, 812 p.

Marx, K. (1962). [Capital. Vol. 3]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya* [Marx K., Engels F. Works]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., vol. 25, pt. 1, 554 p.

Marx, K. (1956). [Economic and philosophic manuscripts of 1844]. *Marks K., Engel's F. Iz rannikh proizvedeniy* [Marx K., Engels F. From early works]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., pp. 527–652.

Orlov, V.V. and Vasil'eva, T.S. (2005). *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of economics]. Perm: PSU Publ., 265 p.

Plato (1993). [Sophist]. *Platon. Sobraniye sochineniy v 4-kh t.* [Plato. Collected works in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 275–345.

Об авторе

Корякин Вячеслав Владимирович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ResearcherID: GSN-8399-2022

About the author

Vyacheslav V. Koryakin

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ResearcherID: GSN-8399-2022